

Вы окружили себя собственными снами, и это сновидение будет тянуться, пока вы не проснетесь.

Ошо

Глава 1

Дальний Восток. Тайга

Между деревьями стоял туман. Верхушки старых елей тонули во мгле, и где-то рядом, невидимый в белесом мареве, потрескивал сучьями, шуршал опавшей хвоей затаившийся враг.

— Ну, где ты там? — с пьяной удалью выкрикнул охотник, вскидывая ружье. — Выходи! Что молчишь? Молчишь... боишься! Думаешь, тебя пуля не возьмет? Она у меня серебряная! На оборотня!

Тишина, нарушаемая звуками леса, была ему ответом. Туман стоял в голове охотника, тяжелый хмельной угар.

«Они обе исчезли, — думал охотник. — Покинули меня. Сначала одна... потом другая. Они обманули меня! Обещали счастье, неслыханную удачу... восторг и упоение — любовью, властью! Над золотом, над душами людскими... над женщинами! И где это все? Утекло, просочилось между пальцев, как талая водица. Правда, у меня еще кое-что осталось, вернее, *кое-кто*. Она! Волшебная, милая, сладкая... и недоступная. Она тоже ускользает... Как мне сделать ее своей? Навсегда, навеки? Такую приступом не возьмешь, придется подбираться

на мягких лапах... словно *таежный князь* к желанной добыче!»

Громкий треск справа, за покрытыми лишайником стволами, заставил его вздрогнуть и, не целясь, выстрелить.

— Ха-ха! На, получай! Ха-ха-ха! — захлебываясь истерическим смехом, завопил он. — Получай, чудище!

Снова воцарилось спокойствие, и только потревоженные звуком выстрела птицы застрекотали, зашумели, взлетая.

— Что тебе нужно, урод? — со слезами в голосе спрашивал охотник. — Ты же сам все можешь! Ты уже забрал у меня все! Осталась она... одна она...

Спотыкаясь о гниющий валежник, он побрел вперед, наугад, пока под ногами не чавкнуло и не ударил в нос острый запах болота. Страх, змеей свернувшийся в груди охотника, распрямился, выбросил тысячи ядовитых жал, остановил кровь в жилах. Зыбкая почва слабо колыхнулась и замерла; замер, охваченный ужасом, и охотник. Трясина! Вот куда заманил его проклятый оборотень...

Охотник дернулся, ринулся в сторону, но только опасно потревожил трясину — с тихим утробным вздохом она прильнула к его ногам и жадно потянула их вниз. Каждое движение жертвы только усиливало ее цепкую хватку.

Предсмертную тоску ни с чем не спутаешь. И охотник опустил руки, задохнулся в ее неумолимых тисках... Или это разлилась по всему телу ставшая в последнее время привычной боль, которая то накатывала резким удушьем, то отступала?.. Сквозь густую пелену ее смутно долетали до охотника грузные, приближающиеся шаги оборотня...

— А-а-а-а-а! — хотел закричать он. Но из синеющих губ вырвалось слабое шипение, отдающее запахом перегара...

Кажется, оборотень оказался еще страшнее, чем мог предположить охотник. Он надвигался, застилая собою белый свет, и хруст валежника под его лапами взрывался в ушах охотника, как динамит, которым глушат в здешних реках рыбу.

«Он убьет меня... — мелькнуло в гаснущем сознании охотника. — Мое тело засосет трясына, и никто никогда не узнает, как закончилась моя жизнь. Или я уже умер... и вижу перед собой существо из ада, которое явилось по мою душу...»

Москва. Полгода спустя

Альбина Эрман выбирала костюм для вечернего выхода. Сегодня ей надо выглядеть шикарно и соблазнительно — возможно, мужчина ее мечты наконец решится и сделает ей предложение. Все к тому идет последние пару месяцев.

— Примерьте вот это, — предложила продавщица, худощавая девушка в мини-юбке, коротко стриженная, с крашеной челкой торчком. — Элегантная модель!

«Совсем как я в начале своей карьеры», — подумала госпожа Эрман, глядя на нее. Снисходительно кивнула и пошла к примерочной кабинке.

Белый костюм вправду оказался ей и впору, и к лицу: юбка в обтяжку, едва закрывающая колени, приталенный жакет с гладким длинным рукавом, с оригинальной скрытой застежкой смотрелся великолепно за счет переливов благородного атласа. Отсутствие вычурных деталей только подчеркивало изысканные линии безупречного кроя.

Цена немного смутила, но Альбина колебалась одно мгновение, после чего переделась, вышла из примерочной и велела продавщице упаковать покупку. В такой день экономия неуместна.

По дороге домой госпожа Эрман невольно погрузилась в воспоминания: как несмышленной девчушкой выпорхнула из школы, как отвергла инициативу родителей помочь ей поступать в медицинский институт, где они оба работали на кафедре кардиологии, и устроилась на работу в парфюмерный магазин. Подобным поступком Альбина нанесла сильнейший удар отцу и матери: потомственные врачи, они не представляли себе единственную дочь — красавицу и умницу, выросшую в интеллигентной семье, — за прилавком, продающей мыло, кремы и духи. Вульгарная, бесперспективная профессия! Предки Эрманов приехали в Россию еще при царе, да так здесь и осели: открыли частную практику, лечили высокопоставленных особ, их жен и детей, нужды в деньгах не испытывали и своих чад отправляли учиться медицине в Европу, дабы те продолжали славную династию. Альбина первая нарушила укоренившийся, казавшийся незыблемым порядок. А Эрманы ставили порядок превыше всего, и даже века, прожитые в Санкт-Петербурге и Москве, не смогли их существенно изменить.

— Ты должна стать врачом, как мы! — твердили Альбине родители. — Люди болеют во все времена, при любом раскладе медик без куска хлеба не останется. Быть врачом престижно!

— Брать взятки у больных? — возмущалась дочь. — Нет уж. Увольте! А государство платит гроши. И вообще всю жизнь провести у постели хворых, заглядывать в чужие рты и ночные горшки — это не для меня.

Отец сокрушенно вздыхал, мать плакала украдкой, но Альбину ничто не остановило. Она пустилась в одиночное плавание по океану, имя которому *коммерция*. Через полтора года молодая девушка настолько преуспела в торговле парфюмерией, что ее назначили старшим продавцом, а затем и заведующей отделом — при условии заочного обучения.

Недолго думая, Альбина поступила в торгово-эконо-

мический институт на факультет менеджмента и через пять лет уже заведовала магазином. У нее появилась мечта стать хозяйкой пусть маленького, но своего бизнеса — давать индивидуальные консультации, предлагать эксклюзивную косметику и духи. Три года ушло на становление, и в двадцать семь лет Альбина уже была владелицей небольшого, но весьма изысканного салона «Камелия», где, кроме нее, работали еще две женщины: визажист-имиджмейкер и косметолог. Дело начало приносить доход, позволило рассчитаться с долгами и кредитом. Прибыль госпожа Эрман пускала на развитие сети салонов «Камелия».

К тридцати годам Альбина стала вполне обеспеченной, независимой, ухоженной, стильной дамой и впервые задумалась о замужестве. Ее требования к будущему претенденту на руку и сердце были очень высоки. В «кормильце» она не нуждалась, материнства не жаждала, «вить гнездо» и «обустраивать домашний очаг» тоже не входило в ее планы.

В браке госпожа Эрман видела прежде всего удовлетворение своих амбиций. Разумеется, она родит одного ребенка и будет не прочь вести хозяйство в благоустроенном загородном доме, но работу не бросит. Салоны «Камелия» — ее создание, и она в состоянии позаботиться об их процветании.

С Альбертом Ростовцевым она познакомилась на одном из фуршетов. Он сразу привлек ее внимание: рослый, статный, с гордо посаженной головой и античными чертами лица — ни дать ни взять Аполлон в костюме от-кутюр.

— Кто это? — шепотом спросила Альбина у подруги, показывая глазами на понравившегося ей мужчину.

— Ростовцев.

— Женат?

Подруга отрицательно покачала головой:

— Нет, кажется.

— Чем занимается?

— Фабрикант. Легкая промышленность, склады, магазины; как сейчас водится, совместное производство с Европой, Китаем. Любитель восточных древностей и даосской философии.

— Почему я его первый раз вижу?

— Он только приехал... из Пекина. Несколько лет провел за границей, в России бывал наездами. Светские тусовки не посещает. И вообще... свободный, интересный, красивый, богатый мужчина. Чем не жених для такой, как ты?

Альбина задумалась. Нет-нет да и тянуло ее поглядеть в сторону Ростовцева. Один из взглядов он поймал, прищурился, сдержал улыбку. Хороша была женщина в черном декольтированном платье, с пучком завитых волос на затылке, с высоким, открытым лбом и чувственным рисунком губ. Хороша! Но не подошел — мало ли их, красавиц, вокруг? К женскому полу господин Ростовцев относился с прохладцей, потому и ходил в холостяках.

— Познакомить вас? — предложила Альбине подруга. — Я Альберта, можно сказать, со школьной скамьи знаю.

— Одноклассники, что ли? — не поверила та.

— В музыкалку вместе ходили. Я на скрипке училась играть, а он на гитаре. Классный парень был! Баскетболист, учился на «отлично» — все успевал. Теперь зазнался немного, смотрит свысока, общается неохотно. Спорт забросил, наверное, хотя... судя по внешнему виду, в безупречной физической форме. Ладно, пойду поздороваюсь.

Альбина не успела ответить, а подруга уже пробиралась между приглашенными к Ростовцеву. Они заговорили. Мужчина поискал Альбину глазами.

«Черт знает что!» — вспыхнула та, повернулась и зашагала к выходу.

Ростовцев догнал ее уже в вестибюле, остановил:

— Вы куда? Не любите фуршеты? Я сам их терпеть не могу. Партнер приташил! Давайте сбежим отсюда.

— Мы незнакомы, — холодно произнесла она.

— Бросьте! Мне вас только что заочно представила Лена Журбина. Скажете, вы и с ней незнакомы?

Слово за слово, Ростовцев помог ей взять из гардероба пальто, одеться.

— Меня машина ждет. Вас отвезти?

— Пожалуй, не стоит.

Альбина понимала — только «равнодушие» сможет привлечь такого мужчину. Он не умеет проигрывать! Он и мысли не допускает, что женщина может ему отказать.

Она еще чуть-чуть покапризничала, не испытывая чрезмерно его терпения, и милостиво разрешила прокатить себя по городу.

Ростовцев отпустил водителя, сам сел за руль черного «Мерседеса». В Москве стоял конец марта. Снег посерел, съезился, из-под колес летела дорожная грязь. В мутных лужах плавали куски льда. Но в воздухе уже пахло весной, свежим ветром, капелью, отзываясь в сердце тем неповторимым ощущением беспричинного счастья, которое бывает на пороге перемен.

С того холодного, ветреного весеннего дня они начали встречаться — Альберт и Альбина.

— У нас даже имена звучат похоже! — улыбался он.

Ими восхищались, им завидовали, пророчили скорую свадьбу. Однако Ростовцев всюду ухаживал, дарил подарки, водил в театры и ночные клубы... а предложение делать не спешил. Альбина начала скрыто, подспудно раздражаться. В чем дело?

— Зачем вам жениться? — подливала масла в огонь подруга, та самая Лена Журбина. — Разве так плохо?

У Ростовцева, без сомнения, до Альбины были женщины, об этом говорил его опыт, свобода обращения, развязные манеры, изощренное искусство секса. Альбина до встречи с ним тоже имела романы с мужчинами:

скоротечные, поверхностные. Два ее любовника не шли ни в какое сравнение с Альбертом — ни внешне, ни в бизнесе, ни в постели. И один, и второй предлагали замужество. Госпожа Эрман отказала обоим без сожаления. Любовники — для временных утех, супруг же — на всю жизнь. Иначе не стоит и огород городить.

— Хочешь познакомиться с моими родителями? — осторожно намекнула она Ростовцеву.

— Зачем? — удивился тот. — Смотрины решила устроить? Мы с тобой взрослые, самостоятельные люди, Аля. Или твои мама с папой не разрешают тебе гулять с плохими мальчиками?

Неожиданная издевка в его голосе поразила Альбину. Выходит, Ростовцев не собирается вступать в брак? «Мы просто любовники, — подумала она. — Обычные любовники!» От этой мысли стало горько. Теперь, когда Альбина по-настоящему сблизилась с ним, когда ее чувства из флирта переросли в нечто большее, оказалось, что Ростовцев их не разделял. Он открыто и с удовольствием появлялся с ней на публике, знакомил со своими приятелями и партнерами — восхищение, которое они выказывали *его женщине*, льстило самолюбию, — но чтобы назвать своей женой? Господин фабрикант не собирался менять удобный, ни к чему не обязывающий статус холостяка на статус женатого мужчины. Это не входило в его планы!

От обиды и унижения Альбине хотелось выть в подушку, как сотням, тысячам куда менее успешных, красивых и обеспеченных дам. Есть в жизни какие-то сферы, которые уравнивают всех, — здоровье, например... талант... любовь... смерть. Сколько бы денег, наград или славы ни дала человеку судьба, они не гарантируют, что он будет любим и счастлив, проживет долгие годы в радости и согласии, осуществит свои сокровенные мечты. Дурнушек носят на руках, а прекрасные принцессы укордкой смахивают слезы; какой-нибудь простофиля пышет здоровьем, а преуспевающий банкир глотает таб-

летки; неотесанный провинциал берет вершину за вершиной, а тонкий, образованный интеллигент не в состоянии сделать карьеру ни в науке, ни в искусстве. Ну и, конечно, смерть... уж она-то вовсе не разбирает, где царь, а где нищий.

Госпожа Эрман словно прозрела. Так вот как безжалостна, как упряма бывает Фортуна! Она не спешит раздавать призы тем, кто больше всех этого достоин. А достойной Альбина считала прежде всего себя. Разве она не заслуживает получить из рук Провидения желанный плод? Разве ее усилия, ее напор, ее ум, наконец, не проложили ей дорогу к успеху? Она, в отличие от многих подруг и знакомых, достигла определенного положения в обществе, может многое себе позволить... она хороша, в конце концов! Умеет одеться, подать себя, вести непринужденную светскую беседу. У нее есть стиль, шарм! Она твердо и уверенно ведет свое дело...

Чем больше Альбина размышляла, тем сильнее себя накручивала. Выходит, все, чего она достигла, не дает ей права на такого мужа, как Ростовцев? Неужели придется отдать его какой-нибудь пустой, смазливой девчужке-модели с длинными ногами, выступающими ключицами и коровьими глазами? Ну уж не-е-ет!

Госпожа Эрман привыкла просчитывать каждый свой шаг: это семейное качество она унаследовала в полной мере. Именно расчет, а не безрассудство, побудил ее после школы встать за прилавок, познавать будущую профессию изнутри, а не в институтской аудитории, проникнуться всеми ее мелочами и нюансами, чтобы затем взяться за образование осмысленно и с толком. Она училась не ради диплома, как большинство студентов, а обретала реальные знания, которые помогли ей продвигаться вперед в штормовом море бизнеса. Она выбирала сотрудников, поставщиков и партнеров тщательно и с дальним прицелом. Она изучала все тонкости, все свойства и прихоти рынка, чтобы обратить их в свою пользу. Тот же подход она применила к своей

внешности и к своему имиджу. До сих пор она пожинала добрые всходы, достигала намеченных целей. Так неужели теперь, когда на карту поставлена личная жизнь, она сдастся и опустит руки? Ни за что на свете!

И Альбина взялась за Ростовцева всерьез. «То были цветочки, милый, — мысленно произнесла она. — Наступило время ягод! Я постараюсь, чтобы они оказались сладкими и пьяными!»

Она всегда добивалась желаемого результата и не собиралась отступать ни при каких обстоятельствах. К тому же в ее душе начал проклевываться росток... любви? Чего-чего, а этакого госпожа Эрман не ожидала.

Ловкость манер, хитрые приемы обольщения и притягивающий ей азарт произвели впечатление на Альберта — лед тронулся. Их интимные отношения стали жаркими и страстными, встречи частыми, а разговоры задушевыми. Сегодня он пригласил Альбину на романтический ужин...

Она опомнилась, вынырнула из размышлений, едва не упершись лбом в стеклянную дверь магазина. Все ли она купила? Тряхнув головой, Альбина вернулась в ювелирный отдел. К наряду, который она приобрела, подойдут утонченные украшения из розового золота — колье и серьги.

— Покажите мне вот это, — подозвала она скучающую за прилавком девицу.

Пока та лениво давала пояснения, госпожа Эрман подумала, что сама давно уволила бы такую нерадивую продавщицу...

Глава 2

В кафе «Волна» было малоллюдно. За окнами бушевал ветер, бросал мокрым, колким снегом в стекла, гудел в трубах. Лед на реке еще не сошел, только стал рыхлым,

ненадежным и серым. Весна нарушила его крепкий панцирь, его сверкающую белизну, проложила по нему пока невидимые, но зловещие трещины и теперь ждала настоящего солнечного тепла, чтобы взломать его, поднять изнутри, сокрушить, перемешать с мутной, свинцовой водой и понести, понести... в дальние дали. Лед поплывет, не зная того, что по дороге он превратится в снежную кашу, потом и вовсе растает, растворится в этом неостановимом течении реки. Куда и по чьему велению стремится она?

Частный сыщик Всеслав Смирнов из года в год, наблюдая ледоход, задавал себе этот философский вопрос. Куда текут реки? Куда и зачем торопливо шагают по московским улицам все эти прохожие? Куда растекаются они, заполняя поезда, корабли, автобусы и самолеты? Какому ритму они подчиняются и какова цель этого непрерывного, суетного движения? Есть ли в нем смысл? Или река жизни просто подхватывает их и несет неведомо куда, как льдинки весной?

Как остаться самим собой в этом неподвластном уму заданном свыше порядке? А может, наоборот, отдаться на волю ветра и волн и, не заботясь ни о чем, плыть, созерцая живописные берега? Где-нибудь да прибьет к отмели...

Сам Смирнов относился к породе людей, которые везде и всюду стараются грести в нужную им сторону, невзирая на погодные условия. Пройдя суровую военную закалку — от Суворовского училища до десантного, от изнурительных тренировок до военных операций в «горячих точках» — и вынужденный в конце концов демобилизоваться, он занялся охранной деятельностью, а потом решил прокладывать собственный жизненный маршрут и подался на свои хлеба. Частный сыск — вот где он будет свободен в выборе и сможет применить профессиональные навыки.

Господин Смирнов брался только за те дела, которые

сулили наряду с приличным вознаграждением удовольствие от работы, — они должны были оттачивать его интеллект, шлифовать логику и задействовать интуицию. Разгадывать трудную загадку увлекательно, и каждое расследование должно быть в первую очередь приключением, а потом уже раскрытием преступления. Тем, кто не потерял вкус к игре, движет *интерес*.

В кафе «Волна» сыщик заглянул не ради горячего обеда — он ожидал здесь потенциальную клиентку. Молодая женщина позвонила ему сегодня утром, назвалась Анжеликой Ермолаевой и попросила о встрече. Откуда она узнала его телефон? От соседки. Та сказала, что ее племянник был замешан в очень неприятном скандале, а господин Смирнов помог ему выпутаться.

Фамилия племянника оказалась знакома сыщику: пару лет назад он действительно выручил молодого человека, которому грозило увольнение с работы и обвинение в растрате.

— Хорошо, — согласился Всеслав. — Я не даю официальных объявлений и предпочитаю, чтобы люди приходили ко мне по рекомендации. Буду ждать вас в кафе «Волна».

Она помолчала... и призналась:

— Я совсем недавно в Москве...

— Возьмите такси, скажите водителю адрес, он вас доставит, — посоветовал сыщик.

Он понял, почему ее выговор показался странным, — она произносила слова как человек, который делает это слишком старательно, и ее «а» звучало непривычно для московского уха. Так говорят в далекой провинции. Но сама речь была правильной, с грамотно построенными фразами.

«Я имею дело с учительницей из деревенской школы, — подумал Смирнов. — Либо с интеллигенткой, которая провела много лет в глуши, в уединении, читая книги и беседа со своим отражением в зеркале».

Теперь он сидел за столиком у окна, ждал обладательницу странного говора и поглядывал на корабельные часы с начищенным медным корпусом. Все внутреннее убранство маленького уютного зала «Волны» напоминало кают-компанию — привинченные к столам светильники, картины морских сражений на стенах, барометры, корабельный колокол.

Когда дама вошла, сыщик похвалил себя за проницательность — она оказалась точно такой, какой он представлял ее. Очень прямая осанка, стройная фигура, гладко причесанные, старомодно уложенные на затылке волосы, длинное пальто с отрезной талией... не хватало, пожалуй, муфты и шляпки с вуалью. Чем-то эта женщина походила на гимназистку выпускного класса из уездного городка.

Всеслав поднялся и махнул ей рукой. Она медлила, озиралась в растерянности: будто забыла дома пенсне, а без него плохо видела. Ему пришлось подойти, представиться и проводить ее к столику. Вблизи было заметно, что она давно вышла из школьного возраста.

— Сколько вам лет? — не церемонясь, спросил сыщик.

Она не смутилась, не покраснела... ответила просто и открыто, подняв на него большие серо-зеленые глаза, опущенные длинными ресницами:

— Двадцать восемь.

Глаза — вот что являлось главным украшением ее лица с тонкими, но бледными чертами. Смирнов понял это, когда Анжелика посмотрела на него, и цвет ее глаз засветился нефритовым оттенком. В ушах молодой женщины висели старинной работы серьги с зелеными камнями — сознательно или бессознательно, она сделала акцент именно на том, что было в ее внешности привлекательным.

— Не знаю, право, насколько я могу довериться вам, — произнесла дама.

— Если вы надеетесь на мою помощь, то выкладывайте все. Иначе нет смысла продолжать разговор.

Ее лицо дрогнуло, но осталось таким же вежливо-теплым, приветливым.

— Пожалуй, я так и поступлю. Мне совершенно не с кем посоветоваться! Близких я потеряла, а... с московской родней мы едва знакомы. Так что... не обессудьте: слушать придется долго.

— Это часть моего ремесла, — ободряюще улыбнулся Смирнов. — Смелее, Лика. Я могу вас так называть?

— Конечно.

От ее поведения и слов веяло забытым аристократизмом, ностальгической ноткой дореволюционной России, изысканными манерами правящего класса, которые из поколения в поколение впитываются в кровь.

— Я приехала сюда полгода назад, — ответила она. — Не могу привыкнуть к большому городу. Ушум и Москва — слишком сильный контраст!

— Как вы сказали? Ушум?

— Да. Совсем крошечный поселок в тайге, между Амуром и Зеей: железнодорожный полустанок, глушь. До ближайшего островка цивилизации несколько часов езды. Болота, бурелом... зимой мороз, снежные заносы — ни пройти ни проехать. Мои детство и юность вообще прошли на лесном хуторе... так что Ушум показался чудо-городом. Хотя там всего несколько улиц, деревянный вокзальчик, магазин и фельдшерский пункт. Люди в Ушуме зачастую рождаются и умирают, как исстари повелось, без исповедников и врачей. Раньше поселок жил лесозаготовками, а теперь... Ушум постепенно приходит в упадок... умирает. Брошенные дома рушатся, бывшие леспромхозы зияют пустыми провалами окон, повсюду валяются трухлявые, черные от сырости бревна. Гиблые места! Многие станции называют «призраками», они не действуют и зарастают молодым ельником.

Смирнову захотелось ущипнуть себя за руку — уж не

спит ли он? Эта барышня приехала из Ушума? Кто ее научил таким манерам, разговору, умению подобрать серьги в тон к глазам? Жительница Ушума должна была бы ходить в меховом полушубке, сапогах и с ружьем, уметь стрелять навскидку, свежевать убитую дичь, изъясняться языком охотников и золотоискателей-одиночек.

— Вы учительница? — решил он проверить свое предположение.

Кем еще Анжелика Ермолаева могла быть в таежном поселке?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. У меня вообще нет никакого образования, и я нигде не работала, ни одного дня. Официально школьный аттестат я получила в Ушуме, сдавала экстерном. Чтобы учиться, мне следовало жить в интернате, а... мама и дядя Аркадий и слышать об этом не хотели. Потом, когда мне исполнилось двадцать лет, он решился на переезд с хутора в поселок. Это далось ему с трудом!

— Дядя Аркадий вам кто?

— Отчим. Отца своего я не помню, мама умерла десять лет назад... от воспаления легких. Пока Аркадий Николаевич ездил в поселок за фельдшером, ее не стало. Наверное, ей не помогли бы никакие лекарства — она просто устала от жизни в захолустье, от безысходности, от ужасных бытовых условий, и захотела уйти. — Лика говорила о смерти матери спокойно, но глаза ее наполнились слезами. — Отчасти поэтому отчим оставил хутор... ему стало тяжело жить там, где прошли их с мамой лучшие годы. Но мне он объяснил по-другому: мол, в моем возрасте следует подыскивать жениха и создавать семью. Не выходить же замуж за лесного духа?

Лика опустила глаза, ее скулы порозовели.

«Чего-то недоговаривает», — догадался сыщик. И спросил:

— То есть вы переехали в Ушум... в поисках подходящей партии?

— Так говорил Аркадий... Аркадий Николаевич, — поправились она. — Он настаивал.

— Его фамилия Ермолаев?

— Селезнев. Ермолаева — фамилия моей матери. Они с отчимом состояли в гражданском браке. Так это, кажется, принято называть?

— Почему вы не работали? — спросил Смирнов.

— Во-первых, в Ушуме не было вакансий для такой избалованной девицы, — пошутила Лика. — А во-вторых, я в деньгах не нуждалась. Все мои потребности обеспечивал отчим. Значение денег я осознала в полной мере только по приезде в Москву. Кстати, я в состоянии оплатить ваши услуги — давайте оговорим размер предварительного гонорара.

Всеслав назвал сумму. Лика согласно кивнула — без колебаний, без раздумий положила на столик конверт с деньгами.

— Хорошо. Возьмите пока на текущие расходы...

Сыщик к конверту не прикоснулся.

— Но... вы же не откажете мне в помощи? — растерялась она.

— Пока я не знаю, что от меня требуется. Поведайте о ваших проблемах, сударыня. — Смирнов невольно перешел на ее слог. — Тогда я определяюсь, братья за дело, или нет.

— Это долгая история. И... смею вас уверить, я не страдаю душевной болезнью и не склонна к патологическим фантазиям. Если вы мне не поверите, то я останусь один на один со своими страхами...

Ночной ресторан клуба «Элегия» славился разнообразной кухней, интерьером в стиле модерн и отличным обслуживанием. Много изогнутых, прихотливых линий стекла, цветных витражей с ирисами и лилиями, много красивой мебели и хорошая музыка.

— Что закажем? — спросил Ростовцев у своей очаровательной спутницы.

Он с удовольствием заметил: на них оглядываются. Альбина и в самом деле выглядела потрясающе — будто выпорхнувшая из эпохи роскоши диковинная птица. Обтянутое белым атласом стройное, сильное тело, в приподнятых кверху пышных смоляных волосах блестит жемчужная шпилька, — при таком великолепии лицо уже не имеет значения. Но и оно подчеркнуто изысканно: легкий макияж, розовая помада на губах, умело подведенные веки... блеск!

— Давай закажем маринованного угря, — предложил он.

— Я не люблю китайскую кухню.

— Эта рыба особенно хороша под имбирным соусом, — уговаривал Ростовцев.

Альбина предпочитала традиционную еду — шницель и пасту, например. Или телятину с овощами. После шуточных препирательств остановились на жареной спинке косули с брусникой.

— Я уступаю только потому, что здесь не умеют готовить китайские блюда! — рассмеялся Альберт.

«Мужчина, который собирается сделать предложение, не ведет себя подобным образом, — в смятении думала хозяйка «Камелии». — Что происходит?»

Неожиданное волнение охватило ее. Неотразимая и высокомерная с другими, она вдруг почувствовала, как ситуация выходит из-под контроля, и все перестало ее радовать: собственная элегантность, приглушенный свет люстр, томная мелодия скрипки, французское шампанское, и этот непонятный, самоуверенный мужчина, за которого она хочет выйти замуж. Ох, как хочет! А он не торопится связать себя узами Гименея.

— Потанцуем?

Он изящно, ловко повел ее под звуки танго — оказывается, господин Ростовцев умеет и это, — без сложных

па, но с характерными приемами, со страстью. Он слегка рисовался... играл перед публикой, и посетители ресторана отвлеклись от еды и выпивки, наблюдая за вызывающе красивой парой.

«Они нам завидуют... — с горечью отметила Альбина. — Если бы они знали, как сложны наши отношения с Алеком, как непредсказуемы. Как холоден, закрыт он бывает, как неприступен в своей *самостоятельности*, как непреклонен! Но он любит меня и рано или поздно сдастся».

Ростовцев отдавался танцу, тем не менее сохраняя хладнокровие и четкость, строгую чистоту рассудка. Он внимательно, настороженно прислушивался к себе — что сердце, встрепенулось? Ничуть не бывало. Дыхание стеснилось от быстрых, порывистых движений, от близости женщины... от запаха ее духов, от выпитого шампанского, — только и всего. Тогда как мысль продолжала работать отстраненно, фиксировать тончайшие нюансы настроения, чувств.

«Неплохо иметь женой Альбину Эрман, — рассуждал внутри его кто-то деловой, беспристрастный и свободный от предрассудков. — Она будет достойной парой. Так почему же я не произношу тех слов, которых она ждет от меня? Почему я молчу и медлю? Ведь женитьба не навек, — можно и развестись, если вдруг не заладится. Я пригласил эту женщину для того, чтобы сделать ей официальное предложение, а сам не решаюсь, словно школьник или недотепа, опасющийся отказа. Альбина уже согласна! Мы оба знаем — и она, и я, — что формально брак ничего не прибавит к нашим отношениям, кроме совместного проживания и определенного статуса...»

«Разве подобные мысли приходят в голову любящему человеку? — оспаривал такую точку зрения ехидный, безжалостный *второй* внутренний голос. — Влюбленный мужчина немного пьян, немного безумен и беспредельно велик в этом своем чувстве, исполненном ро-

мантики и трепета. Твои же расчеты отвратительны, в них нет ни грамма любви, одна только выгода. Твоя способность все учесть, охватить все аспекты сделки подходит для бизнеса, но не для любви. Зачем тебе жениться, Ростовцев, если ты вымеряешь целесообразность союза мужчины и женщины, как фармацевт вымеряет порошки от головной боли? Максимум пользы и минимум вреда. Таинства свершаются на небесах, бедняжка Альберт, а не в аптеке! Ты что-то перепутал».

Кто был этим *вторым*, Ростовцев не знал. Принадлежал ли голос его душе, тому сокровенному, которое и являлось его глубиной, истинной сутью? Или то выскакивал, как клоун на арену, вечный оппонент и заядлый спорщик?

— Поедем ко мне, — прошептал Ростовцев Альбине на ушко.

Надо же было что-то говорить? Слова о предстоящей свадьбе застряли в горле; как ни пытался Альберт произнести их, у него не получалось.

«Так заведено, — твердил он себе. — Достигшему тридцати лет мужчине пора обзаводиться семьей — женой, детишками. Смешно, ей-богу! Мне уже больше тридцати пяти, а я все еще не решаюсь ступить на этот шаткий мостик под названием «брак». Чего мне бояться? Как бы ни сложились обстоятельства, я сумею обеспечить детей, позаботиться об их будущем. Жене дам отступного в случае развода...»

«Опять?! — даже как-то взвизгнул от радости *второй* голос. — Ты словно трамвай, милейший Альберт: неизменно съезжаешь на проложенную колею. Стыдно, дружок! Ты еще не успел облачиться в свадебный фрак, а уже анализируешь развод. Ты словно контракт подписываешь с ненадежным партнером!»

«Кстати, почему бы и не контракт? — возразил Ростовцев. — Брачный контракт».

«Фи! Это уж, братец, вопиюще дурной тон! — возму-

тился *второй*. — Мелочно... низко и недостойно тебя. Собираешься жениться на прекрасной, умной, преуспевающей женщине, что само по себе нечасто встречается, и заранее обдумываешь варианты отхода. А впрочем... присмотришься к ней внимательнее, дорогой: она не зря назвала свои салоны «Камелия». Нет, я не на «даму с камелиями» намекаю — госпожа Эрман не из их числа, — я на сами цветы, которые не имеют запаха... Они красивы, изысканны — никто не спорит, — но аромата нет! Камелии не пахнут, драгоценный Альберт. Им чего-то не хватает для совершенства...»

От этого изнурительного диалога Ростовцеву захотелось выпить. Не шампанского — водки, и побольше. *Второй* голос был фамильярен, ироничен и зол. Он просто и беззастенчиво издевался!

Альбина не замечала этой странной и мучительной раздвоенности Альберта, ей стало жарко от его шепота, предложения поехать к нему... в его квартиру на Петровке, где тесно от китайских ширм и ваз династии *Мин* и где изо всех углов смотрят, разинув зубастые пасти и высунув длинные языки, красные, синие, зеленые и желтые драконы. Раньше она совершенно растаяла бы от его слов, от желания, сквозящего в них... но только не сегодня, не сейчас. Выходит, он берет паузу! Он не собирается...

— Я хочу кофе, — выпалила Альбина, сдерживая готовые выступить слезы. — И грушевый штрудель на десерт.

— Хорошо.

Оба понимали, что происходит, и продолжали делать вид беззаботной, развлекающейся пары.

Ростовцев подозвал официантку и сделал заказ.

— Принесите водки, — велел он напоследок. — Ты будешь?

Госпожа Эрман отрицательно покачала головой и уставилась на музыкантов, боясь выдать взглядом или

жестом свое огорчение. От того, что она *старалась* казаться естественной, ее лицо и все тело напряглось... и это напряжение передалось Альберту.

«Какого черта? — раздраженно подумал он. — Зачем мы, находясь рядом, разыгрываем шутов? Ведь ясно же, чего хочет она и чего хочу я! Хочу ли? Хочу... Хотел до недавнего времени. Но что с тех пор изменилось? Ровным счетом ничего».

«Ты снова гипнотизируешь сам себя! — взялся за свое *второй* голос. — Убеждаешь, как учитель жизни, *гурру*, поучает наивного несмышленика. Если кто из вас с Альбиной и шут, то пальма первенства явно принадлежит тебе, дражайший Альберт. Ты не знаешь, чего хочешь? Ха-ха! Разве не это качество ты больше всего не приемлешь в людях? Других ты судишь весьма сурово... как же теперь быть с самим собой?»

Официантка принесла десерт и водку. Ростовцев выпил, откинулся на спинку стула, ожидая облегчения... оно не наступало. Альбина пригубила кофе, заставляя себя улыбаться. Густая коричневая капля сорвалась с чашки и упала на белый атлас юбки, растеклась безобразным пятном...

Романтический вечер в «Элегии» был безнадежно испорчен.

Глава 3

Лица Ермолаева пошла бы сейчас куда угодно, только не домой. Большая гулкая квартира наводила на нее тоску и страх. После разговора с сыщиком тоска обострилась, воспоминания посыпались дождем, — да что дождь! — грозовым ливнем затопили сознание, погрузили в прошлое.

Сколько Лица себя помнила, жили они втроем: ма-

ма, Аркадий и она. Называть Аркадия отчимом язык не поворачивался — в детстве Селезнев полностью заменил ей отца. Одинокое житье в лесу, среди болотистой чащи, сделало бы семью отшельниками, не будь в нескольких километрах от хутора маленькой станции Ушум. Оттуда Селезнев привозил продукты, предметы обихода, одежду, игрушки для Лики и книги — много книг.

— Девочка отрезана от мира из-за нас с тобой, — шепотом пеняла Аркадию мама. — Ее необходимо учить всему, что другие дети проходят на школьных уроках.

Несколько раз они обсуждали возможность отослать Лику в интернат, где жили и учились ребяташки с таких же разбросанных по тайге хуторов да малых деревень. Но так и не решились на этот шаг.

— Я не могу отдать ее так надолго, — сокрушалась мать. — Лучше привези из Ушума учебники! Закажи, в конце концов, по почте всю необходимую литературу. Я сама буду учить Лику языкам и гуманитарным предметам. А ты возьмишь на себя математику.

О деньгах речь ни разу не заходила. Где Аркадий Николаевич брал средства на безбедное существование, Лика не знала, да и не задумывалась. Много давала тайга — пушнину, дичь, грибы и ягоды, дрова, лекарственные травы. Селезнев был умелым охотником — возвращался из лесу с богатой добычей, ездил куда-то, сдавал; в обмен привозил сахар, муку, консервы, мыло и прочие нужные вещи. Часто вечерами, когда Лика ложилась спать, Аркадий и мама подолгу шептались о чем-то, вздыхали.

Изредка к ним на хутор забредали другие охотники, наведывались геологи и какой-то следопыт из Ушума. Гостей принимали внешне радушно, но настороженно — старались спровадить поскорее. Когда Лика сильно заболела, Селезнев привозил лекарства из поселка, а так, слава богу, на здоровье ни мама, ни отчим не жаловались. Видимо, на них благотворно влиял таежный

воздух, родниковая вода, ягоды, дикий мед, простая, свежая пища и размеренный образ жизни. Ссор, серьезных стычек Лике наблюдать не доводилось, слышать крики и брань тем более. Только шумели зимой и летом деревья, звенел гнус, пели птицы... или скрипел, трещал от стужи деревянный дом, пылали дрова в печи, выли белые вьюги, налетали ветры, шли дожди. Горела на столе керосиновая лампа, мама заставляла Лику повторять французские глаголы, ворчал Аркадий:

— Хватит тебе мучить ребенка, Катя. Что ее ждет, по-твоему? Светские приемы, балы и рауты? Это все в прошлом, в прошлом!

— Есть ценности, которые могут быть востребованы в любые времена, — печально вздыхала мать. — И чем нам заниматься, Аркаша? Пусть девочка научится говорить по-французски. Надо извлечь выгоду из нашего отшельничества. По крайней мере мне никто не помешает воспитать дочь так, как я хочу. Потом она сама решит, что ей ближе к сердцу, где и как себя вести. Когда-то же придет конец нашей ссылке? — Она вопросительно смотрела на Селезнева, а он отводил глаза.

Отчим был крепок, силен, удивительно вынослив, хотя в волосах пробивалась седина. Он мог неделями бродить по тайге, знал ее, любил... и тайга отвечала ему взаимностью. Охотником Селезнев был отменным, так что в свежем мясе семья нужды не испытывала, как, впрочем, и во многом другом. Не хватало общения с людьми, комфорта в быту, музыки, театра и кино — всех этих городских благ, — но только Катерине Игнатьевне, не Лике. Лика другого ничего не видела и думала, что так живут все.

Взрослея, читая книги, она начала понимать, как отличается их житье-бытье от описываемого на страницах повестей и романов. Словно они отстали лет на сто, затерялись между лесистых сопок, и перемены огибали их тихий хуторок на отшибе, текли себе мимо, в Хабаровск,

Владивосток, в Благовещенск, в далекие шумные города. Неужели все это существует на самом деле — дивные, сказочные Москва и Санкт-Петербург, Париж, Лондон, дворцы, каменные храмы, асфальтированные дороги, морские курорты? Смешно сказать, но ни радио, ни телевизора на хуторе не было, их Лика впервые увидела в Ушуме. Особого восторга они у нее не вызвали.

Глушь и заброшенность, как она теперь считала, сыграли положительную роль в ее судьбе. Будь у нее под рукой сотни городских соблазнов и развлечений, она бы не получила тех знаний, которые ей дали мама и Аркадий Николаевич. Разве она говорила бы свободно по-английски и по-французски, помнила бы наизусть стихи Пушкина, Брюсова, Гумилева, Ростана и Аполлинера? Читала бы классиков? Умела бы приготовить лекарство из трав, понимать язык леса, подстрелить соболя или косулю? Да, в какой-то степени она осталась невежественной простушкой, но кое в чем выиграла. Чем ближе она знакомилась с причудами и особенностями большого города, тем больше в этом убеждалась. Она привыкала к «блеску и нищете» цивилизации быстро и легко, пускай бы горожане попробовали выжить там, где на десятки километров вокруг тайга, сопки да болота!

Их дом в лесу был деревянным, срубленным из цельных бревен, прочным и теплым. На окнах стояли ставни и сетки от гнуса. Воду брали из бурной, прозрачной речки, звонко журчащей в ольховых зарослях. Аркадий Николаевич ездил к реке на подводе, набирал воду в большие алюминиевые фляги, делал запас для дома и для баньки. Мылись в парной, по-русски, с вениками, с жарко пышущей каменкой, куда плескали душистый травяной настой. Волосы после лесной воды с травами струились, как шелк, легко расчесывались и блестели.

Когда перебрались в Ушум, условия немного изменились — больше людей, больше событий. В магазин Лика ходила как на экскурсию, нравился ей и деревянный во-

кзал, пронсящие мимо скорые поезда, тяжело груженные товарняки — от них пахло углем, вольными просторами, корой лиственниц, ветром из дремучих чаш. Тепло светились окна пассажирских вагонов, за которыми ехали *другие* люди из больших промышленных поселков, из каменных городов. Наверное, дивились дикости, заброшенности этого края, беспросветной жизни здешних обитателей — стариков и старух, бывших лесорубов, охотников, работников станции. Скорые поезда не останавливались в Ушуме.

Может показаться неправдоподобным, что в таких условиях, в отсутствие комфорта, общения и культуры выросла благовоспитанная, умная и самостоятельная девушка Лика. После глухого Ушума она за полгода почти освоилась в Москве... правда, плохо привыкала к длинным улицам, потокам машин на дорогах, лифту и подземелью метро.

Как ни странно, Лика тосковала о времени, проведенном на хуторе, где Аркадий, мама и она жили, словно Робинзоны на необитаемом острове. В Ушуме было уже не то! Вообще после смерти мамы начали происходить те самые события, которые и заставили Лику... Даже вспоминать об этом не хотелось.

Аркадий Николаевич был безутешен, он похоронил женщину, с которой прожил бок о бок... лет пятнадцать, не меньше. По крайней мере в четыре года Лика получила от него в подарок китайскую куклу — очень красивую, яркую, с высокой прической из жестких черных волос и в шелковом наряде. Куклу звали Чань, Лика берегла ее как зеницу ока, привезла ее с хутора в Ушум, а потом в Москву. Чань восседала на почетном месте в квартире — на крышке старинного пианино, — смотрела на свою хозяйку узкими раскосыми глазами и улыбалась. Улыбка на ее лице вовсе не казалась застывшей, алые губки лукаво изгибались то радостно, то иронично. Лика частенько разговаривала с Чань, поверяла